

УДК 316.6

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ РОССИЯН: СВЯЗЬ С ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И МОРАЛЬНЫМИ ОСНОВАНИЯМИ¹

© 2021 г. О. А. Сычев^{1,*}, К. И. Белоусов^{2,**}, Н. Л. Зелянская^{2,***}, И. В. Аношкин^{3,****}

¹Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина;
659333, г. Бийск, ул. Короленко, д. 53, Алтайский край, Россия.

²Пермский государственный национальный исследовательский университет;
614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Россия.

³Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;
295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым.

*Кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник.

E-mail: osn1@mail.ru

**Доктор филологических наук, профессор.

E-mail: belousovki@gmail.com

***Кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: zelyanskaya@gmail.com

****Кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: iva105@mail.ru

Поступила 27.07.2020

Аннотация. Среди психологических факторов миграционных намерений основное внимание уделяется чертам личности, в то время как связь с нравственными ценностями и нормами остается неизученной. Интерес представляет роль этики сообщества, описанной в рамках теории моральных оснований. Для проверки гипотезы о связи этики сообщества и социальной идентичности с миграционными намерениями был разработан опросник, оценивающий намерения мигрировать внутри страны или за рубежом. Анализ результатов опроса 1020 человек из 11 регионов России показал, что этика сообщества и разные типы идентичности связаны с миграционными намерениями. Обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями сильнее при высокой выраженности региональной и общероссийской идентичности. Установки на преданность своей стране и ее прославление опосредствуют связь этики сообщества и миграционных намерений.

Ключевые слова: миграционные намерения, общероссийская и региональная идентичность, моральные основания, этика сообщества, патриотизм.

DOI: 10.31857/S020595920015193-8

Миграция населения и ее последствия для различных сфер жизни общества вызывают значительный научный интерес [4–6; 10]. Хотя исследования связанных с миграцией процессов и явлений идут в основном в рамках социологии, существуют также социально-психологические аспекты миграции, выступающие на первый план, когда речь идет о личностных факторах и механизмах регуляции миграционного поведения [6]. Когда давление вынуждающих к миграции факторов слабеет и решение о переезде является свободным, значение

подобных психологических факторов возрастает. В нашем исследовании рассматриваются миграционные намерения как эксплицитное, осознанное желание или готовность к переезду в другой регион страны (внутренние миграционные намерения) либо другое государство (внешние миграционные намерения).

Обзор литературы показывает, что такие намерения связаны с чертами пятифакторной модели личности: прямо — с открытостью опыту и экстраверсией; обратно — с добросовестностью, доброжелательностью и эмоциональной стабильностью [17]. При этом открытость опыту прямо, а экстраверсия обратно связана с намерением переехать в страны с существенно отличающейся культурой.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00336 “Геоэкономология и региональная идентичность”.

Эти черты важны и для внутренней миграции: в Австралии она показывает прямую связь с экстраверсией и открытостью опыту [16]. В целом связь этих двух черт большой пятерки с миграционными намерениями является устойчивой, тогда как в отношении остальных трех исследования приводят к менее однозначным выводам [17]. Среди других личностных коррелятов отношения к миграции рассматривались особенности темперамента [21], временные перспективы [4], удовлетворенность жизнью [27] и экономическим положением [25]. Не удалось обнаружить исследований связи отношения к миграции с ценностями и моральными нормами, предписывающими преданность своей группе.

В рамках теории моральных оснований [3; 18; 19] предложено описание структуры моральной сферы из пяти моральных оснований (названных так потому, что они дают *основания* для нравственной оценки), образующих две категории: этику автономии и этику сообщества. Этика сообщества включает нормы и ценности, поощряющие преданность своей группе (моральное основание Лояльность), уважение ее традиций и лидеров (Уважение), почитание святынь, связанных с родиной и ее историей (Чистота/Святость), так что можно предполагать ее связь с чувством верности, преданности своей стране или региону. Менее интересны в контексте проблемы миграции нормы, отстаивающие права индивида: моральные основания Забота и Справедливость (Этика автономии). Тем не менее они могут поддерживать миграционные намерения, поскольку в них отражается приоритетность прав и свободы личности.

Исходя из содержания этики сообщества, поощряющей преданность, следует ожидать ее тесную связь не только с миграционными намерениями, но и с социальной идентичностью как осознанием своей принадлежности к социальным группам. В контексте отношения к миграции важно, что позитивная социальная идентичность, укрепляя привязанность к своей группе, ослабляет мотивацию к переходу в другие [29]. В зависимости от широты группы идентификации можно говорить о разных типах идентичности. В контексте образовательной политики выделяются три типа, на формирование которых должны быть нацелены образовательные программы: этнокультурная (или региональная), гражданская общероссийская (далее для краткости — российская) и общечеловеческая идентичность [1]. Наиболее изученной является гражданская идентичность, однако можно отметить растущий интерес к глобальной идентичности [8; 24], вероятно, поддерживающей миграцию ввиду

слабой связи со своей страной. Региональная идентичность [7; 15] может ограничивать как внешнюю, так и внутреннюю миграцию ввиду привязанности к малой родине. Роль региональной идентичности в миграции косвенно подтверждается тем, что люди чаще мигрируют лишь внутри своего региона [30].

Важным является вопрос о причинно-следственных отношениях между идентичностью и этикой сообщества. С точки зрения теории социальной идентичности [29] групповая идентичность укрепляет групповые ценности у тех, кто идентифицирует себя с группой, так что гражданская и региональная идентичность усиливает приверженность нормам и ценностям своего народа. С другой стороны, моральные нормы могут оказывать влияние на идентичность, участвуя в когнитивных процессах оценки группы и факта принадлежности к ней. Игнорирование норм лояльности и уважения может ослаблять гражданскую идентичность вплоть до отказа от идентификации со своей страной, если она оценивается как непривлекательная. Наиболее вероятно, что мораль и групповая идентичность взаимно поддерживают друг друга [22]. В отношении миграционных установок они могут обладать синергическим эффектом: при выраженной идентичности этика сообщества может сильнее сдерживать миграционные намерения, поскольку ее нормы в первую очередь распространяются на группу, с которой выше идентификация.

Особым направлением исследований идентичности является основанный на идеях Р. Костермана и С. Фешбаха [23] подход, в котором она рассматривается в связи с патриотическими и националистическими установками [2; 13]. На основе обобщения подобных исследований О.Е. Хухлаев определяет национализм как установку “на превосходство страны и необходимость ее доминирования, соревновательность, а патриотизм — любовь к своей нации и гордость за свою национальную принадлежность” [13, с. 69]. Такая дифференциация установок довольно распространена: например, Т. Адорно разделяет псевдопатриотизм и подлинный патриотизм [14], а Э. Стауб выделяет слепой, конструктивный и конвенциональный патриотизм [28].

Развивая аналогичный подход, но пытаясь избежать политизированной терминологии, С. Роккас называет “прославлением” страны представления о том, что свой народ лучше других, что все его представители должны придерживаться присущих ему ценностей, норм и правил и чувствовать себя оскорбленными, если другие не выказывают уважения в отношении национальных святынь.

Другой компонент гражданской идентичности — преданность — отражает чувство принадлежности, преданности своей стране и народу, желание внести вклад в их жизнь [26]. Рассматривая такие установки в контексте теории моральных оснований, можно предположить, что их основой является этика сообщества. При этом преданность своей стране и ее прославление должны быть связаны не только с этикой сообщества, но и с отношением к эмиграции, так что можно предположить опосредованную связь этики сообщества с миграционными намерениями.

Таким образом, можно сформулировать *теоретическую гипотезу* о том, что существует сложная система связей между этикой сообщества, социальной идентичностью и миграционными намерениями. Она конкретизируется в форме следующих *эмпирических гипотез*:

1. Миграционные намерения россиян обратно связаны с этикой сообщества, причем сила этой связи может зависеть от сформированности российской и региональной идентичности.
2. Связь этики сообщества с миграционными намерениями опосредована установками на преданность своей стране и ее прославление.

Поскольку известные нам методики [5] не позволяют оценить внешние и внутренние миграционные намерения, для проверки гипотез потребовалось создать новый опросник.

Целью работы стало квазиэкспериментальное исследование связей этики сообщества, социальной идентичности и миграционных намерений с учетом возможных взаимодействий и опосредованных отношений. *Задачи исследования*:

1. Разработать опросник миграционных намерений (ОМН) и оценить их связь с этикой сообщества и идентичностью.
2. Проанализировать взаимодействие этики сообщества с российской и региональной идентичностью при объяснении связи морали и миграционных намерений.
3. Проверить модель опосредованной преданностью стране и ее прославлением связи миграционных намерений с этикой сообщества.

МЕТОДИКА

Выборка и процедура исследования. Сбор данных осуществлялся в форме бланкового ($N = 508$) и онлайн-опроса ($N = 512$) в апреле–июне 2020 г. Бланковый опрос проводился со студентами вузов пяти регионов (Алтайский, Пермский, Приморский

края, республики Башкортостан и Крым). Средний возраст $M = 22.54$, $SD = 8.01$, 67% женщин. В онлайн-опросе приняли участие жители восьми регионов (Алтайский и Красноярский края, Москва, Московская, Новосибирская, Оренбургская области, Республика Башкортостан, Санкт-Петербург), средний возраст $M = 33.67$, $SD = 14.01$, 78% женщин. Большая часть общей выборки (84%) указала свою национальность как “русский/ая”, остальные отнесли себя к другим национальностям (татарам, башкирам, украинцам и пр.).

Сравнение по t -критерию Стьюдента выборок проходивших опрос в разной форме показало различия по возрасту, показателям идентичности, моральных оснований и миграционных установок. С учетом связи большинства переменных с возрастом был проведен ковариационный анализ для сравнения этих выборок при контроле возраста, после чего обнаружили различия лишь по двум переменным: региональной и общечеловеческой идентичности. Следовательно, большая часть различий обусловлена возрастом, при том что расширение возрастного состава выборки для улучшения ее репрезентативности было одной из задач онлайн-опроса. С учетом этих фактов было принято решение об оправданности объединения результатов бланкового и онлайн-опроса.

Методики. При разработке ОМН стояла задача создания краткой методики, позволяющей измерить в сопоставимых шкалах внешние и внутренние миграционные намерения. Для сопоставимости шкалы были составлены из пар утверждений, различающихся лишь направлением миграции: за рубеж или в другой регион России. Часть заданий сформулирована в обратной форме для большей устойчивости к влиянию установок на согласие/несогласие. Исходя из определения миграционных намерений были сформулированы утверждения, непосредственно отражающие отношение к возможности миграции. В результате было получено семь пар пунктов: четыре в прямой и три в обратной форме (табл. 1). Методика предъявлялась с инструкцией: “Просим вас оценить, насколько вы согласны со следующими утверждениями, используя шкалу: 1 — абсолютно не согласен; 2 — скорее не согласен; 3 — ни да, ни нет; 4 — скорее согласен; 5 — полностью согласен”. Для получения итоговых оценок по шкалам после инвертирования ответов на обратные пункты были вычислены средние значения. Данные о надежности вместе с описательной статистикой приведены в табл. 1.

Диагностика идентичности проводилась с помощью шкалы идентификации с человечеством

Таблица 1. Результаты эксплораторного факторного анализа ОМН ($N = 1020$)

№	№ и текст утверждения	Факторные нагрузки	
		Фактор 1	Фактор 2
1	Я завидую тем, кто переехал из России в другую страну	0.76	0.05
2	Я бы не стал(а) счастливее, переехав в другую страну	-0.66	0.01
3	Я бы уехал(а) из России при первой возможности	0.85	-0.01
4	Я не хотел(а) бы жить где-либо, кроме России	-0.73	0.04
5	Я был(а) бы рад(а) уехать из России на долгий срок или вовсе эмигрировать	0.89	-0.02
6	Мне комфортно живется в России, так что я не хочу эмигрировать	-0.76	0.00
7	Я готов(а) уехать из России, если жизнь здесь станет хуже	0.69	0.06
8	Я завидую тем, кто переехал жить в другой регион России	0.06	0.61
9	Я бы не стал(а) счастливее, переехав в другой регион России	-0.13	-0.40
10	Я бы переехал(а) из этого региона в другой при первой возможности	0.00	0.80
11	Я не хотел(а) бы жить где-либо в России, кроме моего региона	-0.03	-0.61
12	Я был(а) бы рад(а) переехать в другой регион России	-0.10	0.93
13	Мне комфортно живется в моем регионе, так что я не хочу переезжать	-0.18	-0.63
14	Я готов(а) переехать из моего региона в другой, если жизнь здесь станет хуже	0.18	0.50
	Собственные числа	4.32	3.19
	Доля объясняемой дисперсии, %	30.9	22.8

Примечание. Полужирным выделены нагрузки, превышающие по модулю 0.40.

С. Макфарленда [9; 24]. Она позволяет оценить идентификацию с ближайшим окружением, гражданами своей страны и человечеством. Методика была модифицирована, чтобы вместо идентификации с ближайшим окружением измерялась идентификация с жителями региона, что позволило получить оценку региональной, российской и общечеловеческой идентичности. Методика включает девять заданий, в каждом требуется оценить степень идентификации с тремя группами. Показатели надежности шкал в нашем исследовании: 0.89 для региональной (здесь и далее приводятся коэффициенты α Кронбаха); 0.88 для российской и 0.88 для общечеловеческой идентичности.

Для диагностики гражданской идентичности также использовалась методика С. Роккас [12; 26], которая включает две шкалы: преданность и прославление. Первая содержит пункты, оценивающие чувства принадлежности, преданности своей стране и народу (пример: “Я беззаветно предан своему народу”). Вторая измеряет не критичное, преувеличенно позитивное отношение к своему народу, стране и ее лидерам, нетерпимость к критике своей страны (пример: “В сравнении с другими наш народ гораздо нравственнее”). Надежность шкал составила 0.85 и 0.87 соответственно.

Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. [11; 18]. Опросник состоит из двух частей по 15 пунктов, образующих пять шкал: забота, справедливость, лояльность, уважение, чистота. При обработке результатов подсчитывались средние баллы для каждой(-ого) участницы(-ка)

по шкалам, а также средние показатели по шкалам второго уровня: этики автономии, включающей шкалы заботы и справедливости, и этики сообщества, образованной из оставшихся трех шкал. Коэффициенты надежности пяти первичных шкал в этом исследовании находились в пределах от 0.76 до 0.79, для шкал этики автономии и этики сообщества они составили 0.87 и 0.90 соответственно.

Методы анализа данных. Использовались методы корреляционного, модерационного [20] и эксплораторного факторного анализа (ЭФА), а также общие линейные модели (ОЛМ) с применением статистического программного обеспечения R и Statistica 10. Проводился конфирматорный факторный анализ (КФА) и структурное линейное моделирование в программе Mplus 8 с использованием робастного алгоритма MLR. Для оценки статистической значимости медиационных эффектов был выполнен бутстреп-анализ (5000 выборок) в программе Mplus 8.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Структура и психометрические характеристики ОМН. Исследование структуры ОМН было начато с ЭФА. О пригодности данных для ЭФА свидетельствуют значения критериев Бартлетта ($\chi^2(91) = 7936; p \leq 0.001$) и Кайзера—Мейера—Олкина (КМО = 0.90). В табл. 1 представлены результаты ЭФА методом минимальных остатков с облическим вращением Облимин. На основе критерия каменистой осыпи были выделены два

коррелирующих фактора (коэффициент корреляции 0.55), объясняющих 53.7% дисперсии. В первый фактор вошли семь заданий шкалы внешней миграции, во второй — семь заданий шкалы внутренней миграции.

Для дальнейшего анализа структуры ОМН был проведен КФА. Однофакторная модель показала неудовлетворительное соответствие данным: $\chi^2 = 1810$; $df = 77$; $p \leq 0.001$; $CFI = 0.655$; $TLI = 0.592$; $RMSEA = 0.149$; 90%-й доверительный интервал (ДИ) для $RMSEA$: 0.143–0.155; $PCLOSE < 0.001$. Двухфакторная модель с двумя коррелирующими факторами, соответствующими шкалам, имеет лучшие, но неприемлемые показатели: $\chi^2 = 816.37$; $df = 76$; $p \leq 0.001$; $CFI = 0.853$; $TLI = 0.823$; $RMSEA = 0.098$; 90%-й ДИ для $RMSEA$: 0.092–0.104; $PCLOSE < 0.001$. Чтобы учесть наличие в составе опросника прямых и обратных пунктов, был добавлен ортогональный двум основным факторам фактор стиля ответов, включающий обратные пункты. Это привело к существенному улучшению показателей соответствия: $\chi^2 = 460.0$; $df = 70$; $p \leq 0.001$; $CFI = 0.922$; $TLI = 0.899$; $RMSEA = 0.074$; 90%-й ДИ для $RMSEA$: 0.068–0.080; $PCLOSE < 0.001$.

Поскольку структура методики образована из пар заданий, входящих в разные шкалы, в модель были добавлены и проанализированы ковариации каждой из семи пар: три из них были статистически значимы. После удаления незначимых

ковариаций показатели соответствия итоговой модели (рис. 1) стали достаточными: $\chi^2 = 260.13$; $df = 67$; $p \leq 0.001$; $CFI = 0.962$; $TLI = 0.948$; $RMSEA = 0.053$; 90%-й ДИ для $RMSEA$: 0.046–0.060; $PCLOSE = 0.214$.

Описательные статистики по шкалам ОМН (табл. 2) свидетельствуют о слабой асимметрии распределения (коэффициент асимметрии по модулю ≤ 0.06). Корреляции миграционных намерений с другими показателями (см. табл. 2) указывают на их обратные связи с региональной и российской идентичностью, преданностью стране и ее прославлением, образующими этику сообщества моральными основаниями и возрастом. Корреляции шкал этики автономии (забота и справедливость) и этики сообщества (лояльность, уважение и чистота/святость) с миграционными намерениями демонстрируют согласованный паттерн (все шкалы этики автономии дают корреляции, близкие к нулю, а все шкалы этики сообщества показывают существенные обратные связи), подтверждая допустимость использования агрегированных показателей вместо первичных шкал.

Обратная связь этики сообщества с внешними миграционными намерениями сильнее, чем аналогичная связь с внутренними: их разность статистически значимо отличается от нуля (критерий Вильямса для сравнения связанных корреляций $t(1003) = 7.06$; $p \leq 0.001$).

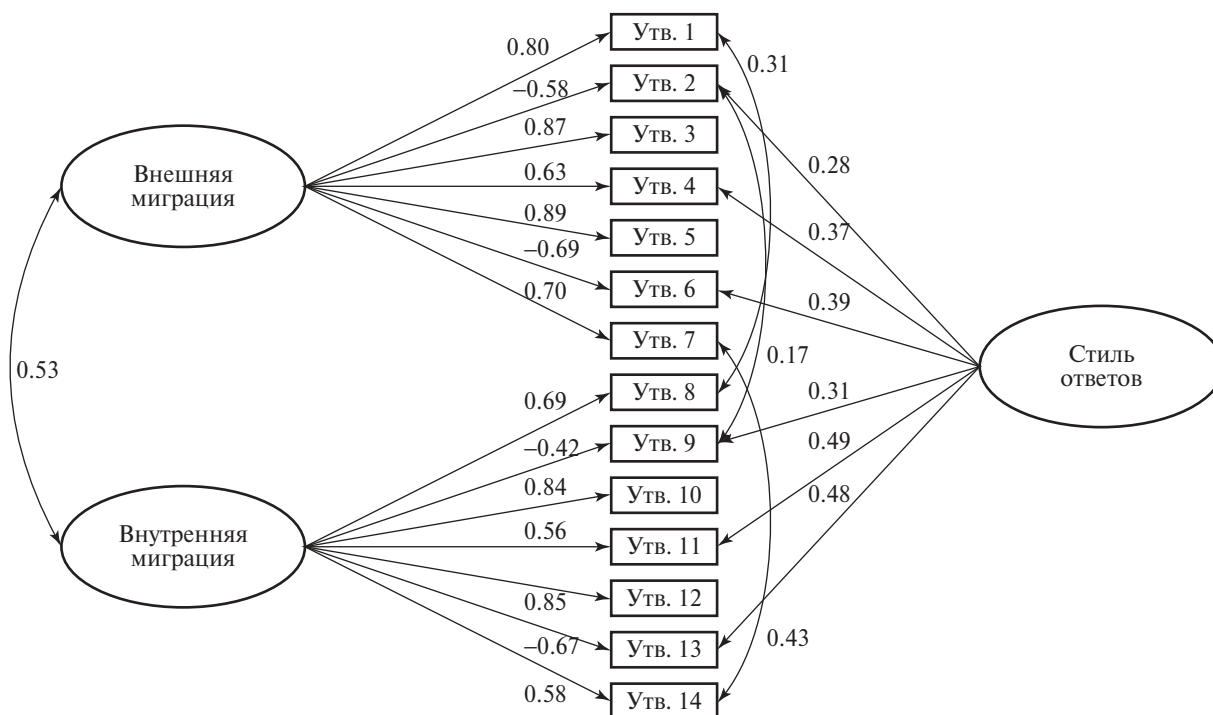

Рис. 1. Факторная модель ОМН ($N = 1020$; приведенные коэффициенты статистически значимы при $p \leq 0.001$; остатки опущены для упрощения, "УТВ." — утверждение)

Таблица 2. Описательная статистика, надежность и корреляции шкал ОМН с другими показателями ($N = 1006$)

Показатель	Внешняя миграция	Внутренняя миграция
<i>Идентичность</i>		
Региональная	–0.39***	–0.26***
Российская	–0.38***	–0.10**
Общечеловеческая	0.01	0.06
Преданность стране	–0.61***	–0.29***
Прославление страны	–0.57***	–0.26***
<i>Моральные основания</i>		
Забота	–0.07*	–0.03
Справедливость	0.07*	0.04
Лояльность	–0.35***	–0.18***
Уважение	–0.41***	–0.22***
Чистота	–0.35***	–0.17***
Этика автономии	0.00	0.01
Этика сообщества	–0.41***	–0.21***
<i>Демографические характеристики</i>		
Пол (0 — Ж; 1 — М)	–0.01	–0.13***
Возраст	–0.46***	–0.26***
Среднее значение	3.02	2.99
Стандартное отклонение	0.96	0.83
Асимметрия	–0.06	–0.03
Экссесс	–0.45	0.08
Альфа Кронбаха	0.91	0.85

Примечания. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$.

Сравнение миграционных намерений у мужчин и женщин с помощью t -критерия Стьюдента показало отсутствие статистически значимых различий по внешним и наличие таких различий по внутренним миграционным намерениям ($t(1018) = 4.13$; $p \leq 0.001$): они более выражены у женщин ($M = 3.06$, $SD = 0.84$), чем у мужчин ($M = 2.82$, $SD = 0.77$).

Связь миграционных намерений с этикой сообщества и идентичностью при контроле демографических характеристик. Хотя результаты анализа свидетельствуют о наличии парных связей между изучаемыми явлениями, важным является вопрос о том, сохраняются ли подобные связи при учете всех переменных и контроле демографических характеристик. Для ответа на этот вопрос была построена ОЛМ с двумя зависимыми переменными (внешние и внутренние миграционные намерения), включающая один категориальный (пол) и несколько количественных предикторов. Метод ОЛМ в данном случае является предпочтительным в сравнении с линейным структурным моделированием, поскольку он не требует определения в модели неизвестных отношений между независимыми переменными. Анализ остатков показал, что их распределение близко к нормальному закону с центром около нуля и постоянной дисперсией, что говорит о подтверждении предположений, необходимых для применения ОЛМ.

В табл. 3 приведены параметры ОЛМ, которые указывают на статистически значимые обратные связи миграционных намерений с этикой сообщества и прямые — с этикой автономии. Связи миграционных намерений с региональной идентичностью обратные, в то время как российская идентичность ведет себя противоречиво: она обратно связана с внешними миграционными намерениями, но прямо — с внутренними. Общечеловеческая идентичность показывает значимую прямую связь со всеми миграционными намерениями. Возраст оказывает негативный эффект на любые миграционные намерения, в то время как пол связан только с внутренними миграционными намерениями, более выраженными у женщин.

Взаимодействие этики сообщества с российской и региональной идентичностью. Результаты моделирования показали, что взаимодействие этики сообщества с российской идентичностью в объяснении внешних миграционных намерений является статистически значимым ($t(1009) = 2.99$, $p \leq 0.01$). Линии регрессии, отражающие связь этики сообщества с внешними миграционными намерениями на разных уровнях идентичности (рис. 2), демонстрируют, что обратная связь между ними является наибольшей при высоком уровне идентичности, в то время как при низком уровне подобная связь проявляется в гораздо меньшей

Таблица 3. Результаты анализа связи миграционных намерений с моральными основаниями и показателями идентичности при контроле возраста и пола с помощью ОЛМ ($N = 1006$)

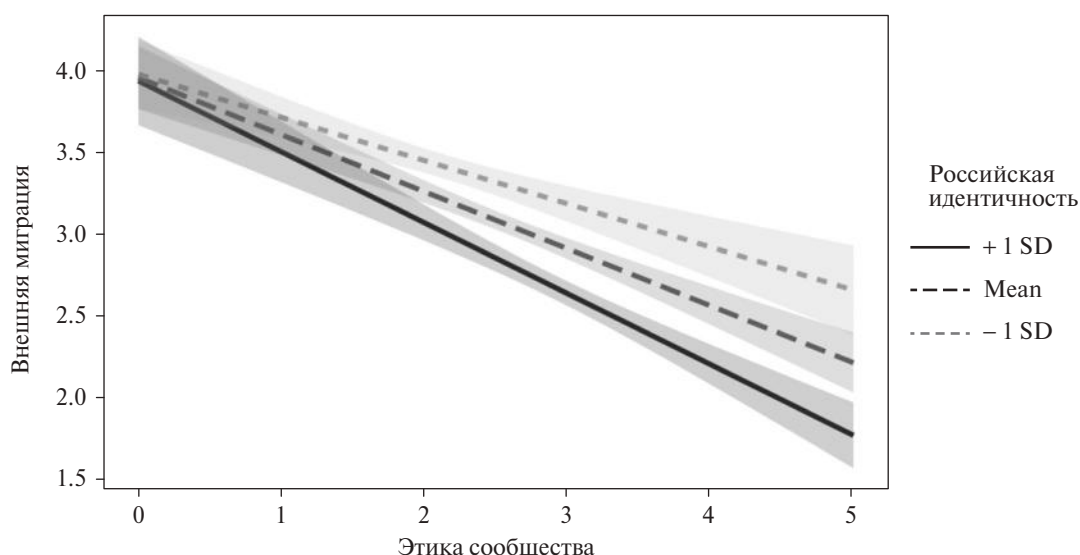
Показатель	Внешняя миграция			Внутренняя миграция			Многомерные критерии	
	β	$t(998)$	p -знач.	β	$t(998)$	p -знач.	$F(2; 997)$	p -знач.
Этика автономии	0.23	7.74	$p \leq 0.001$	0.07	2.02	$p \leq 0.05$	31.14	$p \leq 0.001$
Этика сообщества	-0.26	-8.34	$p \leq 0.001$	-0.11	-2.90	$p \leq 0.01$	35.14	$p \leq 0.001$
Региональная идентичность	-0.16	-4.37	$p \leq 0.001$	-0.36	-8.25	$p \leq 0.001$	34.32	$p \leq 0.001$
Российская идентичность	-0.33	-7.81	$p \leq .001$	0.18	3.52	$p \leq .001$	6.48	$p \leq 0.001$
Общечеловеческая идентичность	0.27	8.39	$p \leq 0.001$	0.09	2.16	$p \leq .05$	36.65	$p \leq 0.001$
Возраст	-0.32	-12.70	$p \leq 0.001$	-0.23	-7.43	$p \leq 0.001$	82.62	$p \leq 0.001$
Пол (0 — Ж; 1 — М)	-0.03	-1.03	Незначим	-0.11	3.67	$p \leq 0.001$	11.08	$p \leq 0.001$
Характеристики модели	$F(7, 998) = 113.89$; $p \leq 0.001$; $R^2 = 0.44$			$F(7, 998) = 31.02$; $p \leq 0.001$; $R^2 = 0.17$				

степени, оставаясь статистически значимой (при $p \leq 0.001$).

Анализ взаимодействия региональной идентичности с этикой сообщества в объяснении внутренних миграционных намерений (рис. 3) также свидетельствует о наличии статистически значимого модерационного эффекта ($t(1009) = 4.67$; $p \leq 0.001$).

Этика сообщества показывает существенную обратную связь с внутренними миграционными намерениями при высоком уровне региональной идентичности, при среднем уровне связь становится слабее, хотя и остается статистически значимой (при $p \leq 0.001$), однако при низком уровне идентичности эта связь не является значимой (см. рис. 3). Следовательно, этика сообщества показывает обратную связь с внутренними миграционными намерениями только при среднем и высоком уровнях региональной идентичности.

Связь миграционных установок с этикой сообщества, опосредованная преданностью стране и ее прославлением. Для проверки предположения об опосредованной связи моральных оснований с миграционными намерениями (через преданность стране и ее прославление) было проведено структурное линейное моделирование. Миграционные намерения рассматривались в качестве переменных, зависящих от преданности стране и ее прославления, этики сообщества, этики автономии, возраста и пола. Для парных показателей миграционных установок, гражданской идентичности и моральных оснований допускалась ковариация внутри пар. После устранения незначимых путей была получена модель (рис. 4) с отличными показателями соответствия данным: $\chi^2 = 26.35$; $df = 10$; $p = 0.003$; $CFI = 0.994$; $TLI = 0.983$; $RMSEA = 0.040$; 90%-й доверительный интервал для $RMSEA$: 0.022–0.059; $PCLOSE = 0.795$; $N = 1020$.

Рис. 2. Взаимодействие этики сообщества и российской идентичности в объяснении внешних миграционных намерений (Mean — средний уровень, SD — стандартное отклонение, затененные области отражают границы 95%-го доверительного интервала)

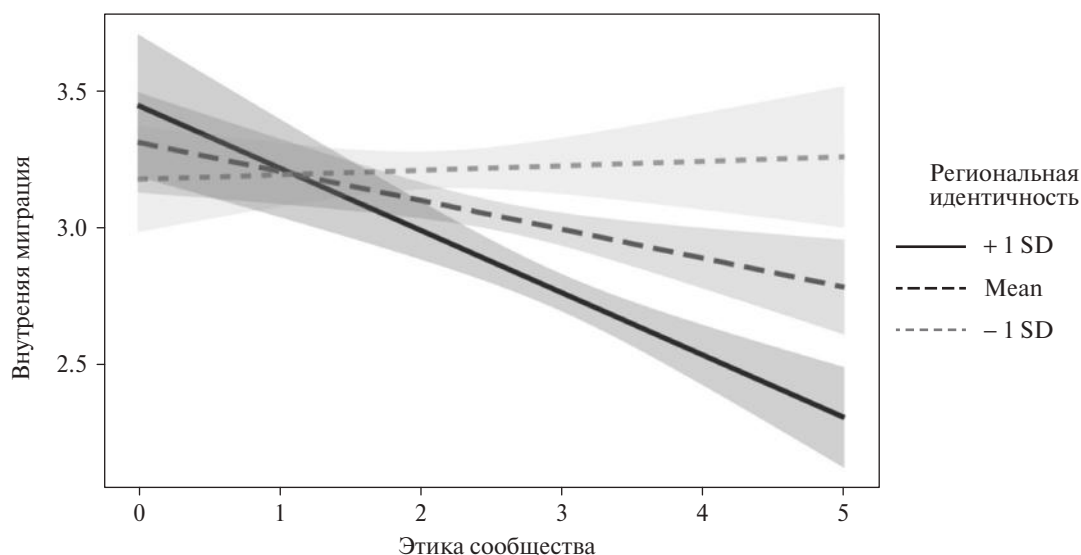

Рис. 3. Взаимодействие этики сообщества и региональной идентичности в объяснении внутренних миграционных намерений

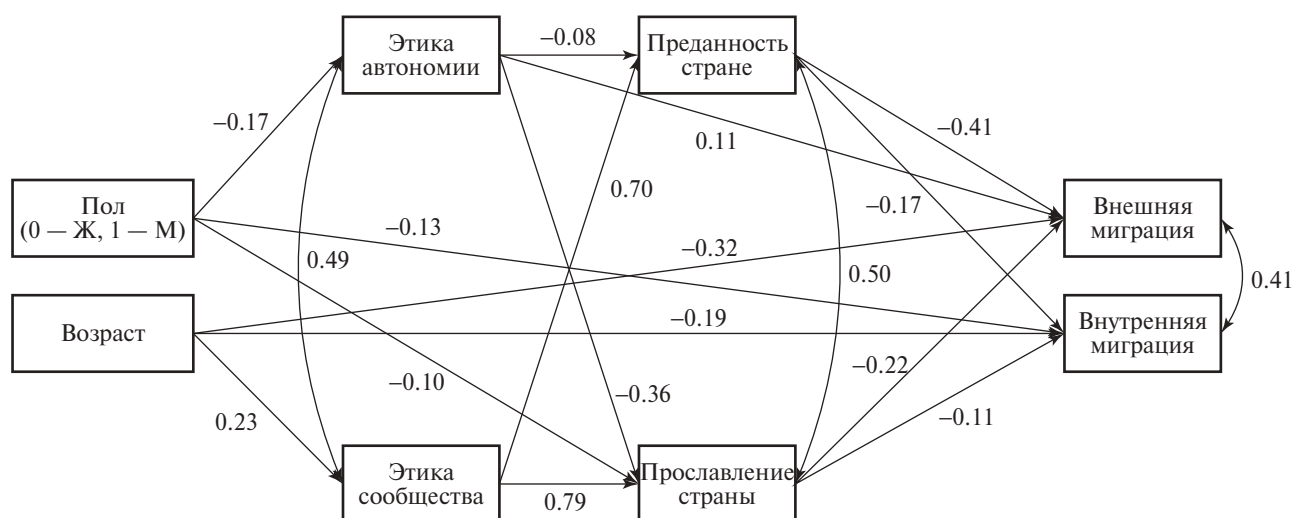

Рис. 4. Структурная модель связи миграционных намерений с показателями гражданской идентичности, моральных оснований и демографическими характеристиками (приведенные коэффициенты значимы при $p \leq 0.01$)

Непосредственной связи этики сообщества с миграционными намерениями не выявлено, этика автономии показывает слабую непосредственную прямую связь с внешними миграционными намерениями. Результаты анализа опосредованных связей моральных оснований с миграционными намерениями показывают, что все они статистически значимы, однако большинство пренебрежимо мало по величине (< 0.15). Превышающими эту величину и значимыми при $p \leq 0.001$ оказались лишь обратные связи этики сообщества с внешними миграционными намерениями, опосредованные через преданность своей стране (-0.29) и ее прославление (-0.17).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволило проанализировать связь миграционных намерений с социальной идентичностью и этикой сообщества, предписывающей преданность своей группе. Предложенный опросник (ОМН), отличающийся от других аналогичных инструментов [5] краткостью и возможностью получить оценки внешних и внутренних миграционных намерений в сопоставимых шкалах, показал высокую надежность и ожидаемую факторную структуру.

Полученные результаты подтверждают обратный эффект возраста на миграционные

намерения [16; 17]. Обнаруженный нами эффект пола указывает на большую склонность женщин только к внутренней миграции в отличие от зарубежных данных, свидетельствующих о том, что женщины также более склонны к внешней миграции [17]. Миграционные намерения показали связи с российской и региональной идентичностью, с установками на преданность стране и ее прославление. Полученные факты соответствуют основанным на теории социальной идентичности [29] ожиданиям: так как наличие позитивной социальной идентичности сочетается с отсутствием мотивации для перехода в другую группу, выраженная российская или региональная идентичность обратно связана с миграционными намерениями.

Этика сообщества показывает обратную связь с внешними и внутренними миграционными намерениями, однако сила связи зависит от российской и региональной идентичности, что соответствует ожиданиям, основанным на теории моральных оснований и теории социальной идентичности [18; 19; 29]. Также соответствует теории факт опосредованной связи этики сообщества с миграционными намерениями через установки на преданность своей стране и ее прославление. Патриотизм как в адекватной (преданность своей стране), так и в преувеличенной (прославление страны) форме, полностью отвечающий нормам этики сообщества, ожидаемо опосредовал ее связи с миграционными намерениями.

Обратная связь этики сообщества с внешними миграционными намерениями оказалась сильнее, чем с внутренними: эмиграция за рубеж представляется более существенным нарушением норм этики сообщества, чем переезд в другой регион страны. В будущих исследованиях предстоит выяснить, зависит ли этот факт от страны и культуры или является универсальным.

Корреляционный дизайн исследования не позволяет подтвердить гипотезу о причинно-следственных связях. Проверка подобной гипотезы о том, что этика сообщества как общий фактор оказывает влияние на более частные патриотические установки и через них на конкретные миграционные намерения с использованием более строгого дизайна составляет перспективу исследования. Ограничением исследования является применение исключительно самоотчетных методик, что затрудняет перенос выводов на миграционное поведение.

ВЫВОДЫ

1. ОМН является экономичной методикой, позволяющей получить надежные оценки внешних и внутренних миграционных намерений в сопоставимой шкале.

2. Миграционные намерения обратно связаны с этикой сообщества, российской и региональной идентичностью. При выраженной региональной и российской идентичности обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями существенно сильнее.

3. Обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями опосредована установками на преданность своей стране и на ее прославление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов А.Г.* Социальные эффекты образовательной политики // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 100–106.
2. *Григорян Л.К.* Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 22–31.
3. *Козлова М.А., Козлов А.И.* Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60–70.
4. *Кузнецова С.А.* Временные перспективы и миграционные установки магданских студентов на разных этапах обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 67–78.
5. *Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90.
6. *Кузнецова С.А.* Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.
7. *Максимова Л.А., Валиев Р.А., Руженцева Н.Б., Валиева Т.В.* Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–92.
8. *Нестик Т.А.* Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145–185.

9. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
10. *Рыбаковский Л.Л.* Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 56–63.
11. *Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И.* Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.
12. *Сычев О.А., Протасова И.Н.* Опросник гражданской идентичности // Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики: материалы II Международной научно-практической конференции / Под ред. Е.С. Аничкина, А.А. Васильева, Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 148–154.
13. *Хухлаев О.Е.* Национализм и патриотизм как социальные установки: теоретический анализ и экспериментальные исследования // Ученые записки РГСУ. 2012. № 10 (110). С. 66–70.
14. *Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Sanford R.N., Levinson D.J.* The authoritarian personality. London, New York: Verso, 2019.
15. *Asún R., Zúñiga C., Morales J.-F.* Design and validation of the revised Regional Identity Scale (RIS-2) / Diseño y validación de la Escala de Identidad Regional revisada (RIS-2) // International Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 33 (2). P. 357–389.
16. *Campbell P.* Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia // Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78. P. 262–267.
17. *Fouarge D., Özer M.N., Seegers P.* Personality traits, migration intentions, and cultural distance // Papers in Regional Science. 2019. Vol. 98 (6). P. 2425–2454.
18. *Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H.* Mapping the Moral Domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385.
19. *Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M.* Moral Foundations Theory // Atlas of Moral Psychology / Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
20. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis, Second Edition: A Regression-Based Approach. New York, London: Guilford Publications, 2018.
21. *Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M., Keltikangas-Järvinen L.* Temperament and Migration Patterns in Finland // Psychological Science. 2008. Vol. 19 (9). P. 831–837.
22. *Khan S.R., Stagnaro M.N.* The Influence of Multiple Group Identities on Moral Foundations // Ethics & Behavior. 2016. Vol. 26 (3). P. 194–214.
23. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. 1989. Vol. 10. P. 257–274.
24. *McFarland S., Webb M., Brown D.* All humanity is my in-group: A measure and studies of identification with all humanity // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103 (5). P. 830–853.
25. *Méndez L.* So Dissatisfied to Leave? The Role of Perceptions, Expectations and Beliefs on Youths' Intention to Migrate: Evidence from a Developing Country // Journal of Happiness Studies. 2019. P. 1–26.
26. *Roccas S., Klar Y., Liviatan I.* The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91 (4). P. 698–711.
27. *Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Rönnemaa T., Kaprio J.* Selective international migration by social position, health behaviour and personality // European Journal of Public Health. 2008. Vol. 18 (2). P. 150–155.
28. *Staub E.* Blind versus constructive patriotism: Moving from embeddedness in the group to critical loyalty and action // Patriotism in the Lives of Individuals and Nations. New York: Nelson-Hall, 1997. P. 213–228.
29. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7–24.
30. *Vermeulen W.R., Roy D., Quax R.* Modelling the Influence of Regional Identity on Human Migration // Urban Science. 2019. Vol. 3 (3). P. 78.

ATTITUDES TOWARD MIGRATION IN RUSSIAN: ASSOCIATIONS TO SOCIAL IDENTITY AND MORAL FOUNDATIONS²

O. A. Sychev^{1,*}, K. I. Belousov^{2,**}, N. L. Zelianskaia^{2,***}, I. V. Anoshkin^{3,****}

¹*Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy;
659333, Biysk, Korolenko str., 53, Altai Territory, Russia.*

²*Perm State National Research University;
614068, Perm, Bukireva str., 15, Russia.*

³*V.I. Vernadsky Crimean Federal University;
295007, Simferopol, Academician Vernadsky Ave., 4, Republic of Crimea.*

^{*}*PhD (Psychology), Associate Professor.*

E-mail: osn1@mail.ru

^{**}*ScD (Philology), Professor.*

E-mail: belousovki@gmail.com.

^{***}*PhD (Philology), Associate Professor.*

E-mail: zelyanskaya@gmail.com

^{****}*PhD (Psychology), Associate Professor.*

E-mail: iva105@mail.ru

Received 27.07.2020

Abstract. Investigations of psychological factors in migration attitudes are focused mainly on personality traits, while the role of moral values and norms remains understudied. The role of the binding moral foundations described in the framework of the moral foundations theory is of great interest. To test the hypothesis that binding moral foundations and social identity are related to migration attitudes, a questionnaire was developed that assesses attitudes towards external and internal migration. Analysis of the survey results of 1,020 people from 11 regions of Russia showed that binding moral foundations and different types of identity are related with migration attitudes. Binding moral foundations show stronger reverse correlations with attitudes towards migration when regional and national identities are high. Attachment to the national group and glorification of the national group mediate the link between binding moral foundations and migration attitudes.

Keywords: attitudes toward migration, Russian national and regional identity, moral foundations, binding moral foundations, patriotism.

REFERENCES

1. *Asmolov A.G.* Social'nye jeffekty obrazovatel'noj politiki. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 2 (4). P. 100–106. (In Russian)
2. *Grigorian L.K.* Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mehanizmy vlijaniyanaj ekonomicheskiju samostojatel'nost'. Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2013. № 3. P. 22–31. (In Russian)
3. *Kozlova M.A., Kozlov A.I.* Istoki morali, orientirovannoj na individa i gruppu: social'no-psihologicheskij i estestvenno-nauchnyj aspekty. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 3. P. 60–70. (In Russian)
4. *Kuznetsova S.A.* Vremennye perspektivy i migracionnye ustanovki magadanskih studentov na raznyh jetapah obuchenija. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2018. V. 15. № 1. P. 67–78. (In Russian)
5. *Kuznetsova S.A., Kuznetsov I.Ju., Feshhenko A.V.* Razrabotka shkaly migracionnyh ustanovok lichnosti. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2014. № 1. P. 83–90. (In Russian)
6. *Kuznetsova S.A.* Migracionnye ustanovki kak predmet social'no-psihologicheskikh issledovanij. Social'naja psihologija i obshhestvo. 2013. № 4. P. 34–45. (In Russian)
7. *Maksimova L.A., Valiev R.A., Ruzhenceva N.B., Valieva T.V.* Regional'naja identichnost' v junosheskom vozraste kak marker lichnostnoj svyazi s territoriej prozhivaniya. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2019. V. 24. № 2. P. 82–92. (In Russian)
8. *Nestik T.A.* Global'naja identichnost' kak social'no-psihologicheskij fenomen: teoretiko-jempiricheskoe issledovanie. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2017. V. 2. № 4. P. 145–185. (In Russian)

² This work was supported by Russian Science Foundation, project № 20-18-00336.

9. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologija global'nyh riskov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
10. *Rybakovskij L.L.* Funkcii i posledstviya migracionnyh processov. Sociologicheskie issledovanija. 2017. № 10 (402). P. 56–63. (In Russian)
11. *Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I.* Diagnostika moral'nyh osnovanij: aprobacija russkojazychnoj versii oprosnika MFQ. Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2018. V. 15. № 3. P. 88–115. (In Russian)
12. *Sychev O.A., Protasova I.N.* Oprosnik grazhdanskoj identichnosti. Aktual'nye voprosy obshhej i juridicheskoy psihologii: obrazovanie, pravo i social'nye praktiki: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Eds. E.S. Anichkin, A.A. Vasil'ev, D.V. Kashirskij, N.V. Sabel'nikova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020. P. 148–154. (In Russian)
13. *Huhlaev O.E.* Nacionalizm i patriotism kak social'nye ustanovki: teoreticheskij analiz i jeksperimental'nye issledovanija. Uchenye zapiski RGSU. 2012. № 10 (110). P. 66–70.
14. *Adorno T., Frenkel-Brunswik E., Sanford R.N., Levinson D.J.* The authoritarian personality. London, New York: Verso, 2019.
15. *Asún R., Zúñiga C., Morales J.-F.* Design and validation of the revised Regional Identity Scale (RIS-2). Diseño y validación de la Escala de Identidad Regional revisada (RIS-2). International Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 33 (2). P. 357–389.
16. *Campbell P.* Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia. Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78. P. 262–267.
17. *Fouarge D., Özer M.N., Seegers P.* Personality traits, migration intentions, and cultural distance. Papers in Regional Science. 2019. Vol. 98 (6). P. 2425–2454.
18. *Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H.* Mapping the Moral Domain. Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385.
19. *Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M.* Moral Foundations Theory. Atlas of Moral Psychology. Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
20. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis, Second Edition: A Regression-Based Approach. New York, London: Guilford Publications, 2018.
21. *Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M., Keltikangas-Järvinen L.* Temperament and Migration Patterns in Finland. Psychological Science. 2008. Vol. 19 (9). P. 831–837.
22. *Khan S.R., Stagnaro M.N.* The Influence of Multiple Group Identities on Moral Foundations. Ethics & Behavior. 2016. Vol. 26 (3). P. 194–214.
23. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes. Political psychology. 1989. Vol. 10. P. 257–274.
24. *McFarland S., Webb M., Brown D.* All humanity is my in-group: A measure and studies of identification with all humanity. Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103 (5). P. 830–853.
25. *Méndez L.* So Dissatisfied to Leave? The Role of Perceptions, Expectations and Beliefs on Youths' Intention to Migrate: Evidence from a Developing Country. Journal of Happiness Studies. 2019. P. 1–26.
26. *Roccas S., Klar Y., Liviatan I.* The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations. Journal of personality and social psychology. 2006. Vol. 91 (4). P. 698–711.
27. *Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Rönnemaa T., Kaprio J.* Selective international migration by social position, health behaviour and personality. European Journal of Public Health. 2008. Vol. 18 (2). P. 150–155.
28. *Staub E.* Blind versus constructive patriotism: Moving from embeddedness in the group to critical loyalty and action. Patriotism in the lives of individuals and nations. New York: Nelson-Hall, 1997. P. 213–228.
29. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior. Psychology of Intergroup Relations. Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7–24.
30. *Vermeulen W.R., Roy D., Quax R.* Modelling the Influence of Regional Identity on Human Migration. Urban Science. 2019. Vol. 3 (3). P. 78.